

Список использованной литературы:

- 1 Дмитриев Н.К. Грамматическая терминология в учебниках родного языка. – М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, с.1955. – 132
- 2 Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи – М.: Изд-во Саранского ун-та, с.1990 - 336.
- 3 Иванов Вяч.Вс. Типология лишительности (каритивности) // Иванов Вяч.Вс., Малошина Т.Н., Головачева А.В., Свешикова Т.Н. Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. – М.: ИНДРИК, 1995. – с.5-59.
- 4 Мельчук И.А. Курс общей морфологии. // пер. с франц. – Москва-Вена: «Языки русской культуры»; Венский славистический альманах, Издательская группа «Прогресс», 1997. – Т. I. – с.417
- 5 Апресян Ю.Д. Избранные труды, Лексическая семантика. – М.: Школа “Языки русской культуры”, Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1995. – Т. I. – с.472
- 6 Иванов Вяч.Вс. Категория лишительности в языках евразийского языкового союза // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании: сб. статей. – М., 1993. – с.80.
- 7 Климов Г.А. Агванский язык // Языки мира: Кавказские языки. – М., 1999. – с. 459-460.

References:

1. Dmitriev N.K. Gramaticheskaia terminologia v uchebnikah rodnogo iazyka. – М.: Īzd-vo Akademii ped. nauk RSFSR, s.1955. – 132
2. Fedotov M.R. Chuvařsko-mariskie iazykovye vzaimosvāzi – М.: Īzd-vo Saranskogo un-ta, s.1990 - 336.
3. Īvanov Vāch.Vs. Tipologia liřitelnosti (karitivnosti) // Īvanov Vāch.Vs., Malošnaia T.N., Golovacheva A.V., Sveřnikova T.N. Etūdy po tipologii gramaticeskikh kategori v slavānskikh i balkanskikh iazykah. – М.: ĪNDRĪK, 1995. – s.5-59.
4. Melchuk Ī.A. Kurs obŗei morfologii. // per. s frans. – Moskva-Vena: «Īazyki ruskoĭ kŭltury»; Venski slavisticheski ālmanah, Īzdatelskaia grupa «Progres», 1997. – T. I. – s.417
5. Apresān Ū.D. Īzbrannye trudy, Leksicheskaia semantika. – М.: řkola “Īazyki ruskoĭ kŭltury”, Īzdatelskaia firma “Vostochnaia literatura” RAN, 1995. – T. I. – s.472
6. Īvanov Vāch.Vs. Kategoria liřitelnosti v iazykah evraziskogo iazykovogo soiūza // Tipologicheskie i sopostavitelnye metody v slavānskom iazykoznanii: sb. stateĭ. – М., 1993. – s.80.
7. Klimov G.A. Agvanski iazyk // Īazyki mira: Kavkazskie iazyki. – М., 1999. – s. 459-460.

МРНТИ 811.161

<https://doi.org/10.51889/2020-4.1728-7804.09>

Боханова А.С.,¹ Нурбаева А.М.,² Шаханова Р.А.³

^{1,2,3} Казахский Национальный педагогический университет им. Абая,
Алматы, Казахстан

ИЗЛОЖЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЛИШИТЕЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Аннотация

Актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования экономической грамотности населения, экономических коммуникаций, следовательно изучения специфики дискурсивных практик, зафиксированных в экономическом медиатексте. Это позволит сформировать полноценные аксиологические ориентиры в экономической сфере в целом, в том числе в аспекте процесса лишительности, и на основе этого сформировать фрагмент ценностной картины мира. Она, несомненно, сможет повлиять на материальное благосостояние как отдельного человека, так и всего социума в целом.

Поскольку лишительная семантика в своей основе содержит отрицательную коннотацию, а читатель, воспринимая излагаемое экономическое событие, вводит его в определенный социальный контекст, необходимым представляется исследование восприятия читательской аудиторией высказываний с лишительной семантикой. Это может способствовать совершенствованию употребляемых содержательных и формальных средств, а также приемов изложения экономической информации в газетах.

Ключевые слова: категория лишительности, вербализация, устойчивые сочетания, лишительная семантика, экономический дискурс

Bokhanova A.,¹ Nurbayeva A.,² Shakhanova R.³

^{1,2,3} Kazakh National Pedagogical University named after Abai,
Almaty, Kazakhstan

PRESENTATION OF SEMANTIC CATEGORIES OF EXCLUSIVITY IN ECONOMIC DISCOURSE

Abstract

The relevance of the research is determined by the need to improve the economic literacy of the population, economic communications, and therefore study the specifics of discursive practices recorded in the economic media text. This will allow us to form full-fledged axiological guidelines in the economic sphere as a whole, including in the aspect of the process of deprivation, and on this basis form a fragment of the value picture of the world. It will undoubtedly be able to affect the material well-being of both the individual and the entire society as a whole.

Since superfluous semantics basically contains a negative connotation, and the reader, perceiving the economic event described, introduces it into a certain social context, it is necessary to study the reader's perception of statements with superfluous semantics. This can help to improve the content and formal means used, as well as the methods of presenting economic information in Newspapers.

Keyword: category of exclusivity, verbalization, stable combinations, exclusivity semantics, economic discourse

Боханова А.С.,¹ Нурбаева А.М.,² Шаханова Р.А.³

^{1,2,3} Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы, Қазақстан

ЭКОНОМИКАЛЫҚ ДИСКУРСА АЙЫРЫҚТЫЛЫҚТЫҢ СЕМАНТИКАЛЫҚ КАТЕГОРИЯЛАРЫН ҰСЫНУ

Аңдатпа

Зерттеудің өзектілігі халықтың экономикалық сауаттылығын, экономикалық коммуникацияны жақсарту қажеттілігімен анықталады, сондықтан экономикалық медиатеке жазылған дискурсивті тәжірибелердің ерекшеліктерін зерттеу. Бұл тұтастай алғанда экономикалық салада, оның ішінде айыру процесі аспектісінде толық аксиологиялық бағдарларды қалыптастыруға және осының негізінде әлемнің құндылық бейнесінің үзіндісін қалыптастыруға мүмкіндік береді. Бұл, әрине, жеке адамның да, бүкіл қоғамның материалдық әл-ауқатына әсер етуі мүмкін.

Артық семантика негізінен теріс коннотацияны қамтитындықтан және ұсынылған экономикалық оқиғаны қабылдаған оқырман оны белгілі бір әлеуметтік контекстке енгізетіндіктен, оқырман аудиториясының артық семантикасы бар мәлімдемелерді қабылдауын зерттеу қажет. Бұл пайдаланылған мазмұнды және ресми құралдарды, сондай-ақ газеттерде экономикалық ақпаратты ұсыну әдістерін жетілдіруге ықпал етуі мүмкін.

Түйін сөздер: айыру категориясы, вербализация, тұрақты тіркесімдер, артық семантика, экономикалық дискурс

Введение. В Лингвистическом энциклопедическом словаре посессивность определяется как «одна из универсальных понятийных категорий языка, основное значение которой – определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету (относительная номинация).» [1, 388] Ученые единодушно в том, что базовой основой посессивной конструкции являются глаголы иметь, обладать. Исследуя план содержания и план выражения категории посессивности, польский ученый А. Киклевич указывает, что содержательно данная категория представлена высказываниями с предикатами наличествования типа У Ивана есть своя машина. В то же время основным средством выражения посессивности, согласно ученому, являются притяжательные местоимения, которые интерпретируются им как маркер посессивности. Отсутствие маркера свидетельствует о принадлежности предмета подлежащему [2, 198].

Методика. Учитывая сказанное, а также то обстоятельство, что помимо эксплицитного выражения посессивной семантики возможна ее имплицитная передача в высказывании, базовую структуру посессивности представим в виде следующей схемы:

‘x обладает z-ом’, где

x – субъект обладания, наличествования, z – объект обладания.

Представленная схема показывает, что семантика категории посессивности основана на предикате обладания. Не случайно, как подчеркивает А. Киклевич, притяжательные местоимения и прилагательные типа папин «непосредственно не выражают притяжательности» [2, 209]. Ее выражает прежде всего предикат обладания.

По результатам исследований, представленных в Лингвистическом энциклопедическом словаре, посессивность сопряжена с иными семантическими категориями: детерминацией, предикативностью, атрибутивностью,

локативностью и семантической релятивностью [3, 348]. Как видим, среди обозначенных категорий не отведено место даже категориям каритивности, невладения, последнюю из которых, на наш взгляд, можно интерпретировать в качестве оппозиционной составляющей категории посессивности.

Рассматривая в обозначенном ракурсе лишительность, подчеркнем, что ее семантическая структура основана на противоположном по семантике предикате – предикате лишения. Приведем следующий пример с предикатом лишить: Начальник лишил сотрудников премии, который позволяет представить базовую семантическую структуру категории лишительности следующим образом:

'x лишает y-a z-a', где

x – субъект действия лишения, y – прямой объект, на который направлено действие, z – косвенный объект, связанный с действием лишения.

Если сопоставить базовые семантические структуры посессивности и лишительности, то станет очевидным, что вторая из них выражает не просто необладание некоторым объектом, а передает каузацию необладания, а именно: предикат лишать вписывается в следующую структуру:

'x обуславливает то, что у не имеет z-a.'

Не случайно использование в ряде высказываний с данной семантикой причинных предлогов, например: Из-за вас мы лишились премии, где x – вас, y – мы, премии – z, а лишились – P.

Наличие в семантической структуре лишительности семы 'необладание', то есть отрицание наличия, обуславливает ее сопряженность с категорией каритивности – отрицания.

Выводы и обсуждения. В связи с этим в большинстве исследований, посвященных лишительной семантике, категория лишительности отождествляется с категорией каритивности. Особенно значимо, что отождествление категорий каритивности и лишительности находим в работе Вяч.Вс. Иванова, заглавие статьи которого звучит: Типология лишительности (каритивности). В сущности, учеными поставлен знак равенства между тремя различными понятиями, хотя и содержащими общие семантические признаки:

- 1) невладение, необладание;
- 2) лишительность;
- 3) каритивность.

Вместе с тем углубленный анализ высказываний с лишительной семантикой, используемых, в частности, в экономическом дискурсе, обнаруживает различие этих категорий. Первая из них – необладание – имеет семантическую соотнесенность с категорией посессивности, следовательно, ее следует описывать в тех же терминах, что и данную категорию.

Вторая – лишительность – включает в себе, как подчеркивалось выше, в качестве обязательного признака семантику каузирования. Причем на это указывает и сам термин «лишительность»: 'кто-то каузировал, что кто-то другой не владеет чем-то' или 'что-то, какое-то событие каузировало, что кто-то не владеет чем-то'. Так, в слове безволосый, на наш взгляд, некорректно усматривать лишительность, поскольку здесь нет каузирования: безволосый означает не более как 'не имеющий волос'. Подобным же образом семантика лишительности может отсутствовать в предложении, которое содержит глагол лишить или элементы его парадигмы (краткое причастие): Он лишен чувства юмора. В данном случае не имеется в виду, что его кто-то лишил чувства юмора. И это просматривается со всей очевидностью, несмотря на употребленную в приведенном предложении форму страдательного причастия глагола лишить.

Третья из обозначенных категорий – каритивность, – понимаемая как отсутствие, не означает, однако, необладание, так как здесь пересекаются две разные семантики: посессивная и экзистенциональная. Например, в предложении Петя отсутствует на занятиях не выражается значение 'кто-то не обладает чем-то', а означает 'не-присутствие', то есть Петя не находится в том месте, где проходят занятия. В связи со сказанным позволим себе не согласиться с Вяч.Вс. Ивановым относительно того, что слово холостой содержит семантику лишительности, поскольку это слово означает социальный статус человека, не вступившего в брак, следовательно, не имеющего жену. Иными словами, отнюдь не имеется в виду, что человека некто лишил жены. Это свидетельствует о принадлежности данного слова в содержательном плане к каритивной семантике. Сравним значение отсутствие, но не лишение в следующих предложениях: Сегодня проблема молодежной безработицы - бич западной экономики.

Зачастую в крупных частных компаниях возникает недопонимание между собственником и управленцем. Как видим, в представленных предложениях передается каритивная семантика, факт отсутствия работы (в первом примере) понимания (во втором примере). Значимым при этом является тот момент, что нет каузативного субъекта, который бы воздействовал на другого субъекта и привел к этому отсутствию.

Показательными в этом смысле являются глагол отсутствовать и его отглагольное образование: Корень зла – в отсутствии регулирования на энергоносители... (о ценах) ...с точки зрения провайдера аэронавигационного обслуживания, основания отсутствуют; (о Гани Касымове) Он заявил, что в бюджетной сфере республики «сейчас полный беспредел, бесхозяйственность и, самое главное, отсутствие государственной дисциплины, а также бесконтрольность правительства за использованием народных средств .

Итак, существенным фактором разграничения выше обозначенных категорий является: наличие скрытой или явной каузации в высказываниях с лишительной семантикой как облигаторного признака. Следовательно, эффективно анализировать фактический материал исследования по категории лишительности с учетом данного признака.

Категория каузативности, следовательно, является сопряженной категории лишительности. В работах, описывающих категорию каузативности, однако, данная проблема не обозначается [4;5].

С опорой на исследования Ш. Балли по фактору каузации Г.А. Золотова делит все глаголы на две группы:

а) обычные глаголы, которые указывают, что действие совершает сам субъект;

б) каузативные глаголы, которые обозначают, что субъект вызывает некое действие или состояние другого лица или предмета [6, 278]. Каузацию ученый связывает с разграничением субъектного и объектного инфинитива. В ее интерпретации субъект действия отождествляется с каузатором. Она пишет: «Каузатор действия обычно представляет собой лицо, агенс, каузативное действие которого произвольно, целенаправленно». При этом ученый совершенно справедливо указывает на абстрактные понятия, которые также способны выступать в роли каузаторов: «Если же место каузатора занимают отвлеченные понятия, каузативная конструкция выступает в своей разновидности – произвольной каузации». В качестве иллюстративного материала для сравнения приводятся следующие высказывания: Хозяйка вынудила нас покинуть дом. – Недоброжелательство хозяйки вынудило нас покинуть дом. – Болезнь хозяйки вынудило нас покинуть дом [6, 284]. Таким образом, каузатор представляет собой имя с конкретным (хозяйка) либо отвлеченно-предметным значением (недоброжелательства, болезнь).

Термин «субъект» в контексте каузации Г.А. Золотова применяет как к самому каузатору, то есть субъекту причины некоторого действия, так и к субъекту, на который это действие направлено [6, 285]. Не умаляя достоинств данной интерпретации, ее обусловленности, мы в своем исследовании, с целью удобства изложения анализа, склонны условно разграничивать термины «каузатор» и «субъект». Первый из них применяется к субъекту, осуществляющему действие лишения, иными словами каузирующему данное действие, второй – к субъекту, на который действие лишения направлено, то есть к каузируемому данное действие. При этом мы учитываем тот момент, что действующий и каузируемый субъекты могут совпадать. В этом случае представляется целесообразным не отступать от общепринятого в лингвистической науке определения термина субъект.

С точки зрения разделения процессов каузации на положительную и отрицательную, предлагаемого Г.А. Золотовой [6, с. 285], лишительная семантика в большей мере соотносима с отрицательной каузацией. Исключением могут служить лишь отдельные случаи в отношении этой семантики, о которых говорилось выше.

Ю.Д. Апресян определяет каузацию в парадигмальном ряду следующих явлений: «Каузация – извлечение – ликвидация – удаление – обработка – деформация» [7, с. 205]. Приводимые ученым словосочетания имеют общую семантику 'ликвидировать этим способом': выпирать глаза (пот), лечить больного, латать рубаху (дыру), править ошибки, разгладить платье (складки), штопать носки (дыру). В качестве характерного типа этой семантики выступают словосочетания с участием производных глаголов с приставкой за-: запаять чайник (дыру), зашить мешок (прореху) и т.д. [7, с. 206-207]. Уже в представлениях номинативных единицах усматривается действие каузатора, который приводит к лишению предмета чего-то негативного. Данные номинализаторы трансформируются в высказывания следующей структуры:

'x воздействует на у-а с целью ликвидации (лишения его) z-а'.

Представленная схема подчеркивает различие между категориями лишительности и необладания, поскольку базовая семантическая структура последней имеет следующий вид:

'x не обладает z-ом', где

x – субъект невладения, необладания, z – объект необладания.

Не случайно, как подчеркивалось выше, за пределы лишительности нами выводятся лексемы слепой, глухой, холостой, поскольку в данном случае определение каузатора, даже имплицитно выраженного, не представляется возможным.

Итак, существенным отличием категории лишительности и посессивности является наличие каузации в высказываниях, выражающих лишительную семантику. В этой связи следует говорить о большей тождественности как оппозиционных членов единой семантической категории посессивности и невладения, а также каритивности. Они совпадают по базовой семантической структуре с отсутствием каузатора.

Поскольку каузатор производит действие лишения чего-либо некоего лица или предмета, то в семантической структуре высказывания он может быть представлен в виде лица либо в виде природного (часто стихийного) явления, например: Начальник лишил рабочих премии; Сильный ветер сдул с меня шляпу (лишил шляпы). В приведенных высказываниях каузатор и субъект действия выступают в одном лице.

В ряде случаев каузатор и субъект действия равен субъекту лишения, например: Я забыла в машине перчатки, где Я – каузатор, который произвел действие, повлекшее лишение меня же перчаток. Подобная семантика усматривается в высказываниях типа Мы потеряли деньги. В обоих примерах отмечается ненамеренная каузация [8, с. 182].

Ключевым словом лишительной семантики является глагол лишить, с использованием которого базовую семантическую структуру категории лишительности схематически можно изобразить следующим образом:

'x лишает y-a z-a',

где x – субъект действия лишать-1, y – субъект, на который направлено действие – 2; z – объект действия.

Приведенная схема лишительной семантики в русском языке в полной мере соответствует предложению типа Работодатель лишил рабочих премии, где работодатель – исполнитель действия (субъект 1) лишить: x; рабочие – диспозит (прежний владелец), то есть субъект 2: y; премия – объект: z. Базовая семантическая структура категории лишительности свидетельствует о сопряженности данной категории с рядом других семантических категорий.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что основополагающим компонентом представленной семантической структуры является предикат со значением лишения. Противоположной лишительности является категория принадлежности, получившая терминологическое обозначение в виде семантической категории посессивности.

В лингвистической литературе категория посессивности определяется как понятийная, т.е. семантическая, категория, основное значение которой сводится к определению «название объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету (относительная номинация)». В плане содержания и в плане выражения, согласно М.А. Журиной, посессивность сопряжена с целым рядом семантических категорий, главным образом с детерминацией, предикативностью, атрибутивностью, локативностью, а также, на основе наличия в семантической структуре слова релятивной семы, – с релятивностью. Ученый подчеркивает значимость ядерной семы посессивности – глаголов иметь, обладать [1, с.388]. На основе сказанного базовую семантическую структуру категории посессивности представим, в соответствии с вышепринятым обозначением, следующим образом:

'x имеет z-a'.

Отметим, что уже на основе сопоставления базовых семантических структур лишительности и посессивности, а также относительно сопряженности с другими семантическими категориями обнаруживаются определенные отличия между данными категориями.

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, «посессивность регулярно выражается лексическими, синтаксическими, морфологическими средствами, набор которых для каждого языка индивидуален» [3, с. 388]. Репрезентация посессивной семантики применительно к русскому языку подробно исследована А. Киклевичем. Ученый рассматривает конструкции посессивной семантики, которые включают притяжательные местоимения либо притяжательные прилагательные. В частности, анализируя местоимение свой с точки зрения эксплицитного либо имплицитного выражения посессивной семантики, маркера посессивности, он утверждает мысль о том, что притяжательные местоимения не выражают как таковые семантики посессивности, «а их квалификация как притяжательных обусловлена традицией, которая не соответствует объективной языковой реальности». Как отмечалось выше, согласно ученому, не выражают значение притяжательности прилагательные типа папин, поскольку сема 'предмет владения' актуализируется в данном случае только при сочетании с существительным.

Убедительной в этом контексте представляется трактовка ученым существительных типа деньги, ценные бумаги, облигация, пожитки, вещь, шляпа, ботинки как содержащих сему 'предмет владения', следовательно имеющих в своей пресуппозиции отношение к посессивности [9, 209].

Несоотнесенность смежной семантики категорий лишительности и посессивности очевидна. Достаточно сравнить приведенное выше предложение Работодатель лишил рабочих премии с предложением Рабочие всегда имели премию. Второе из представленных предложений, скорее, соотносимо с каритивной семантикой как противоположной посессивной: 'Сейчас рабочие не имеют премии' (общее отрицание), следовательно: 'Рабочие не всегда имели премии' (частное отрицание каритивная семантика).

Важно также проследить сопряженность категорий лишительности и посессивности по отношению к другим семантическим категориям. На наш взгляд, в меньшей степени сопряженность обеих категорий обнаруживается по отношению к категории каритивности. Если частное отрицание в ряде своих проявлений способно соотноситься с категорией лишительности, то по отношению к категории посессивности такой способности не обнаруживается. Следует оговорить, что и далеко не всякая каритивная семантика трансформируется в лишительную. Так, с предложением Мы пошли в музей такая трансформация невозможна вследствие наличия в семантической структуре предложения только одного субъекта действия. В предложениях типа Он рассказал эту историю не папе сема лишения заложена уже потому, что оно поддается следующей трансформации: Папа лишился этой истории.

Если сопоставить вышеприведенную базовую семантическую структуру категории лишительности со следующей семантической структурой категории посессивности 'x имеет (принадлежит) z', где x – субъект, z – объект принадлежности, то обнаруживается, что обе категории сопряжены с категориями субъектности и объектности.

Заключение. Имплицитное выражение субъекта действия в экономическом газетном дискурсе обуславливается необходимостью сосредоточить внимание на проблеме, связанной с определенными родами лишениями. Приведем следующий пример: Жителей Казахстана лишают возможности летнего отдыха, в котором отмечается «сопряженная» субъективность. В равной степени, согласно обозначенным выше семантическим

базовым структурам категорий лишительности и посессивности, с ними сопряжена категория объектности как выражающая семантику объекта.

В большей степени отмечается сопряженность категории лишительности, нежели категории посессивности, с категорией каузативности, поскольку если объект принадлежности обычно репрезентируется в языке как факт, то объект лишительности непременно сопровождается экспликацией либо импликацией каузатора. При сравнении обнаруживается четкое разграничение активного семантического субъекта категории лишительности и категории посессивности. Если для первой характерным является актант действия в виде каузатора, пусть и не выраженного вербально, как в предложении Жителей Казахстана лишают возможности летнего отдыха (каузатор – неопределенный субъект действия), то для второй категории (посессивности) актант действия идентичен обладателю некоего объекта. Триада 'субъект – действие – объект' четко вписывается в залоговость, под которой подразумевается семантическая категория, характеризующая «действие в его отношении к семантическому субъекту и семантическому объекту, находящимся в том или ином соответствии с элементами семантической структуры предложения» [10, 126]. Залоговость, равно как и входящие в ее структуру семантические субкатегории активность/пассивность, возвратность, взаимность, переходность/непереходность, сопряжена с категориями лишительности и посессивности. Различна лишь степень этой сопряженности: в большей мере она обнаруживается в категории посессивности как обладающей меньшим семантическим спектром в триаде 'субъект – действие – объект'

Посессивность vs. лишительность

Факторы разграничения Категории

Посессивность Лишительность

Событие факт фактологичность событийность

по отношению к каузатору факультативность облигаторный признак

по наличию копозиционного коррелята + (невладение, необладание) –

по отношению к субъективности + +

по отношению к объективности + +

по отношению к залоговости + +

Несомненно, представленные в настоящей статье сопоставительные данные обозначенных категорий лишительности и посессивности носят предварительный характер и нуждаются в дальнейшей сопоставительной детализации. Однако уже представленные сходства и различия этих семантических категорий не обнаруживают их эквивалентной сопряженности с другими семантическими категориями. Сказанное позволяет определять категорию лишительности и по данному фактору как самостоятельную семантическую категорию. Вместе с тем дуализм языкового знака предопределяет рассмотрение категории лишительности не только с точки зрения плана содержания (смысл), но и с точки зрения плана выражения (значение).

Список использованной литературы:

- 1 Журинская М.А. *Посессивность* // *Лингвистический энциклопедический словарь*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – с. 388-389.
- 2 Киклевич Александр К. *Об индексальных выражениях с семантикой посессивности (на материале русского и немецкого языков)* / А.Е. Супрун, Г. Яхнов // *Славяно-германские параллели*. – Минск, 1996. – с. 190-212.
- 3 *Лингвистический энциклопедический словарь*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – с. 401.
- 4 Степанов Ю.С. *Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности* // *Язык и наука конца XX века / под ред Ю.С. Степанова*. – М.: Институт языкознания РАН: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 1995. – с. 35-73.
- 5 Концепт «причина» и два подхода к концептуальному анализу языка – логический и сублогический // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. – М.: Наука, 1991. – с.5-14.
- 6 Золотова Г.А. *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. – М.: КомКнига, 2005. – с.352
- 7 Апресян Ю.Д. *Избранные труды, Лексическая семантика*. – М.: Школа “Языки русской культуры”, Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1995. – Т. I. – с.472
- 8 Булыгина Т.Б., Шмелев А.Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – с.181-189.
- 9 Иванов Вяч.Вс. *Типология лишительности (каритивности)* // Иванов Вяч.Вс., Малошина Т.Н., Головачева А.В., Свешикова Т.Н. *Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках*. – М.: ИИДРИК, 1995. – с.5-59.
- 10 *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. – СПб.: Наука, 1991. с – 370.
- 11 Сулейменова Э.Д. *Понятия смысла в современной лингвистике*. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – с.160

References:

1. Jurinskaia M.A. *Posesivnost* // *Lingvisticheski ensiklopedicheski slovar*. – М.: Sovetskaia ensiklopedia, 1990. – с. 388-389.
2. Kiklevich Aleksandr K. *Ob indeksälnyh vyrajeniah s semantikoi posesivnosti (na materiale ruskogo i nemeskogo iazykov)* / A.E. Suprun, G. Jahnov // *Slaväno-germanskie paraleli*. – Minsk, 1996. – s. 190-212.

3. *Lingvisticheski ensiklopedicheski slovär.* – M.: Sovetskaia ensiklopedia, 1990. – s. 401.
4. *Stepanov İu.S. Älternativnyi mir, Diskurs, Fakt i prinsip prichinosti // İazyk i nauka konsa XX veka / pod red İu.S. Stepanova.* – M.: Institut iazykoznanıa RAN: İzdatelski sentr Rosiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo unıversıteta, 1995. – s. 35-73.
5. *Konsept «prichina» i dva podhoda k konseptuälnomu analizu iazyka – logicheski i sublogicheski // Logicheski analiz iazyka. Külturnye konsepty.* – M.: Nauka, 1991. – s.5-14.
6. *Zolotova G.A. Ocherk funkcionälno sintaksisa ruskogo iazyka.* – M.: KomKniga, 2005. – s.352
7. *Apresän İu.D. İzbrannye trudy, Leksicheskaia semantika.* – M.: Şkola “İazyki ruskoi kültury”, İzdatelskaia firma “Vostochnaia literatura” RAN, 1995. – T. I. – s.472
8. *Bulygina T.B., Şmelev A.D. İazykovaia konseptualizasia mira (na materiale ruskoi gramatiki).* – M.: Şkola «İazyki ruskoi kültury», 1997. – s.181-189.
9. *İvanov Väch.Vs. Tipologia lişitelnosti (karitivnosti) // İvanov Väch.Vs., Maloşnaia T.N., Golovacheva A.V., Sveşnikova T.N. Etüdy po tipologii gramaticheskikh kategori v slavänskih i balkanskih iazykah.* – M.: İNDRİK, 1995. – s.5-59.
10. *Teoria funkcionälnoi gramatika. Personälnoşt. Zalogovöst.* – SPb.: Nauka, 1991. s – 370.
11. *Suleimenova E.D. Ponätia smysla v sovremennoi lingvistike.* – Alma-Ata: Mektep, 1989. – s.160..

МРНТИ 17.07

<https://doi.org/10.51889/2020-4.1728-7804.10>

Дюсембина Г.Е.¹

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,
Алматы, Қазақстан

МЕРЗІМДІ БАСПАСӨЗ БЕТТЕРІНДІГІ ЭКСПРЕССИЯ МЕН ЭМОЦИЯНЫҢ ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕР, МАҚАЛ-МӘТЕЛДЕР ЖӘНЕ ҚАНАТТЫ СӨЗДЕР АРҚЫЛЫ КӨРІНУ СИПАТЫ

Аңдатпа

Қазіргі баспасөзде экспрессия мен эмоцияның тілдік құралдар арқылы берілетін эмоционалдық реңкі оны саяси маңызды, мағынасы терең, халыққа ұғынықты және демократиялық принципке сай деп айтуға толық мүмкіндік береді. Мерзімді баспасөз тілінің лексикасы барынша стандартты келеді десек те, әдеби тілге тән экспрессивтік тілдік құралдар баспасөз тілінің де шарайын кіргізіп, эмоционалдық реңк үстемелейді. Аталмыш мақаламызда мерзімді баспасөздегі экспрессия мен эмоцияны білдірудегі психолингвистикалық құрылымдар, яғни фразеологизмдер, мақал-мәтелдер мен қанатты сөздер сынды тілдік құралдардың қолданылу ерекшелігі мен түрлері, жасалу жолдары мен рөлі турасында сөз қозғалады.

Мақал-мәтелдер, қанатты сөздер, фразеологиялық тіркестер – экспрессивтілігі өте күшті, образдылығы жағынан маңызды қызмет атақаратын стильдік құрылымдар. Олар баспасөз беттерінде өзгермеген қаз-қалпында да, инварианттық құрылым түрінде де, адресант тарапынан өзгеріске ұшырап та қолданылады. Мұндағы осы жанрдың функционалдық стиліне орай, қоғамдық, саяси-әлеуметтік мәселелерді эмоционалды әсерлі етіп шебер суреттеуде мол мүмкіндіктер береді.

Түйін сөздер: экспрессия, эмоция, саяси дискурс, фразеологизмдер, мақал-мәтелдер, қанатты сөздер, таным, «әлем суреті», баспасөз, адресант-адресат, билік т.б.

Dyusembina G.¹

¹Kazakh national pedagogical University named after Abay,
Almaty, Kazakhstan

THE NATURE OF EXPRESSION AND EMOTION IN PERIODICALS THROUGH PHRASEOLOGICAL UNITS, PROVERBS AND SAYINGS

Abstract

Today the expressive means and stylistic devices can be found in newspaper style. They give opportunity to understand that the emotional style and democratic importance which support to understand its deep meaning by the public. The language in periodic newspapers is according to the literary standards and expressive means and stylistic devices give expressiveness and emotional colouring of the language. The current article touches upon the psycholinguistic structures, especially phraseological units, proverbs and sayings which give the expressiveness and emotional colouring in newspapers.

Proverbs, sayings, winged expressions, phraseological expressions are stylistic structures that have a very strong expressiveness and significant figurative activity. They are used on print pages both unchanged and in the form of an invariant